

МАЗЕПА.

ПОЭМА

ЛОРДА БАЙРОНА.

Переводъ съ Англійскаго.

И. ГОГНІЕВА.

ИЗДАНИЕ

О. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ТИПОГРАФІЯ О. СТЕЛЛОВСКАГО.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ уза-
коненное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 25 Мая 1860 г.
Ценсоръ А. Ярославцовъ.

МАЗЕНА.

ПОВѢСТЬ ЛОРДА БАЙРОНА.

I.

То было въ страшный день Полтавы,
Когда навѣкъ Державный Шведъ,
Простился средь полей кровавыхъ
Съ звѣздою счастья и побѣдъ.
И власть, и слава одолѣнья,
Невѣрныя, какъ поколѣнья
Ихъ обожателей — людей, —
— Знамена Царскія вѣнчали. —
И стѣны Кремлевскихъ не видали
Враги; и бури миновали
Москву, пока чернѣй, грознѣй,
Година не настала ей;
Когда судьбы дѣлженствовали
Позору, гибели предать
Славнѣй вождя, несмѣтнѣй рать!

II.

Такъ неизбѣжный рокъ свершился!..
И, слясь раны превозмочь,
Облитый кровью, Карль стремился
Черезъ рѣки, степи, день и ночь:
Его рать сгибла; но въ несчастьи
Окрестъ его молчить упрекъ,
Хоть голосъ правды смѣло могъ
Гремѣть предъ падшимъ самовластьемъ.
Несется Карль — коня его

Разить свинецъ; и своего
Ему Гіета (*) уступаетъ.
Самъ гибнетъ въ чужѣ. Но и тотъ
На полутѣ изнемогаетъ;
Подъ шпорой голову кладетъ! —
И въ дѣбряхъ, сумракомъ одѣтыхъ,
Въ виду сверкающихъ огней
Сквозь лѣсъ, на вражескихъ бекетахъ,
Король съ дружиною своей
Ночлегъ опасный обрѣтаетъ.
За эти-ль лавры межъ царей
Такъ брань неистово пылаетъ! —
Изнеможенъ, окровавленъ,
Подъ дикій дубъ Карлъ положенъ;
Его бьетъ дрожь; пытаютъ раны:
Онѣ глубоки.... Ночь мрачна.
Смыкаетъ очи Карлъ — нѣтъ сна;
И дышутъ холодомъ туманы.
Но не скорбѣлъ, не унывалъ,
И какъ вассаловъ подчинялъ
Всѣ роды золь своей онъ волѣ;
Въ дань року духа не принесъ;
Позоръ паденья въ тяжелой долѣ
Монархъ по-царски перенесъ!

III.

Вожатыхъ рой! Увы, какъ мало
Ихъ съ поля смерти ускакало!...
Но полнѣ отваги пылъ сердець
Въ остаткѣ этомъ! — Наконецъ,
Толпа героевъ, омраченныхъ
Тоской, безмолвіе храня,
Вокругъ садится короля,
И подлѣ коней утомленныхъ.
Въ бѣдѣ равняетъ всѣхъ судьба! —
Съ людьми и тварь страдаетъ тоже. —

(*) Gjeta — полковникъ шведскій.

Мазепа на ночь выбралъ ложе
Подъ старымъ дубомъ для себя.
Украины гетманъ, бодрый, смѣлый,
Угрюмъ, какъ дубъ его дебѣлый,
И также старъ почти, суровъ;
Но напередъ вождь казаковъ
Съ коня стеръ мыло; торопливо
Ему постель изъ листьевъ склалъ;
Разгладилъ чолку, вытеръ гриву,
И разнуздалъ его, и живо
Взоръ старца радостью сверкалъ,
Когда увидѣлъ онъ, какъ жадно
Усталый конь на кормъ напалъ;
А то онъ ждалъ, что къ ночи хладной
Пренебрежетъ скакунъ травой,
Покрытой позднею росой.
Но безъ причудъ былъ конь ретивый,
Какъ самъ ѣздокъ, и терпѣливо
Нужду и трудъ переносилъ.
Могучъ и быстръ, въ порывѣ силъ,
Какъ вихрь онъ гетмана носилъ!
Отъ звука шпоръ, отваги полный,
Радъ былъ летѣть въ огонь и волны!
На зовъ знакомый онъ бѣжалъ;
Мазепу въ сонмахъ узнавалъ;
Кипи народъ окрестъ пучиной,
И въ мракѣ ночи ни единой
Не брезжи звѣздочки съ высотъ, —
Свободной степи сынъ свирѣпый,
Онъ бодро неся-бъ за Мазепой
Съ заката солнца по восходъ! —

IV.

И вотъ Мазепа разстиляетъ
Широкій плащъ; подъ дубъ густой
Вонзилъ копьё; и озираетъ,
Снарядъ въ порядкѣ-ль боевой:

Булатъ осматриваетъ ловко;
Глядитъ — прикрѣплены-ль ножны;
Не разсорился-ль порохъ съ полки;
Курки надежно-ль взведены.
Потомъ старикъ давай походный
Готовить ужинъ; и свободно,
Безъ царедворческихъ затѣй,
Имъ угощать поочередно
И вѣнценосца и вождей.
Превозмогая скорбь и раны,
Упрямо твердость Карлъ хранить,
И дѣлать ужинъ съ свитой бранной.
И вотъ Мазепѣ говоритъ:
«Взгляни — хоть всѣ въ толпѣ героевъ
«Моихъ, сильны рукой, тверды
«Душой — но въ стычкѣ-ль, въ вихрѣ-ль боевъ —
«Ни одного изъ ихъ среды
«Тебя отважнѣе, удалый!
«Съ дней Александра не бывало
«На рубежахъ земли четы,
«Другъ съ другомъ сродной такъ, какъ ты
«Съ своимъ, Мазепа, Буцефаломъ.
«Вся слава Скиѳовъ предъ тобой
«Ничто, когда летишь стрѣлой
«Ты черезъ глубь, иль въ чистомъ полѣ.»
А тотъ въ отвѣтъ: «Проклятье школъ,
«Гдѣ эту удаль я постигъ!»
— «За что-же, если въ ней старикъ,
«Ты славно такъ образовался?»
— «Не время говорить о томъ:
«Еще неравный споръ съ врагомъ
«Для насъ въ степяхъ не миновался;
«Еще не разъ взмахнуть мечомъ
«Придется намъ въ отбой погони,
Пока свободно за Днѣпромъ
«Не раздохнутся наши кони.
«Къ тому-жь, король, и вамъ самимъ,
«Хоть краткій сонъ, необходимъ.

«А я дружины утомленной
«Межь тѣмъ возьмусь стеречь покой.»
— «Нѣтъ, старый гетманъ, непременно
«Хочу рассказъ я слышать твой.
«И, можетъ, часъ успокоенья
«Навѣтъ повѣсть мнѣ твоя.
«Иначе-жъ горе — нѣтъ терпѣнья!
«Томить безсонница меня.»

V.

— «Изволь Монархъ: въ надеждѣ этой
Готовъ давно-мннувши лѣта
Старикъ на память привести.
Да, такъ; я былъ лѣтъ двадцати.
И Казиміръ владѣлъ короной —
Янъ Казиміръ. — А я пажемъ
Седьмой ужъ годъ служилъ при немъ.
Вотъ истинно былъ мужъ ученой!
Не походилъ на васъ — ни въ чемъ.
Онъ не терпѣлъ кровавой брани;
Соблазнъ воинственныхъ стяжаній
Его души не искушалъ.
И Янъ, не будь лишь сеймскихъ преній,
Премирно-бъ царствомъ управлялъ.
Я не скажу, чтобъ огорченій
Житейскихъ вовсе чуждъ онъ былъ —
Янъ музъ и нѣжный полъ любилъ:
А этотъ полъ и эти музы
Бѣсили такъ его порой,
Что лучше въ лагерь боевой
Летѣлъ-бы онъ отъ ихъ союза. —
Но чуть лишь пламень утихалъ,
Онъ книгу новую читалъ,
Въ другую женщину влюблялся,
И пышные пиры давалъ!
И цѣлый городъ домогался
Взглянуть на роскошь тѣхъ пировъ!

Янъ ото всѣхъ своихъ пѣвцовъ
Честимъ былъ польскимъ *Соломономъ*;
Но обойденный пенсіономъ,
Изъ нихъ одинъ лишь очернилъ
Его въ язвительной сатирѣ,
И страхъ какъ хвастался, что въ мірѣ
Онъ никому льститъ не любилъ. —
То дворъ затѣй различныхъ былъ,
Гдѣ въ виршахъ каждый изъ вельможей
Талантъ свой пробовалъ. На то-же
И я пускался иногда;
И псевдонимъ мой былъ всегда:
«Тирсисъ унылый.»

Въ Польшѣ сильный
Жилъ воевода той порой:
Графъ блескомъ, древностью фамиліной,
Извѣстный всѣмъ въ землѣ родной,
Богатъ какъ рудникъ золотой!
И гордъ былъ онъ, высокомеренъ,
Какъ въ этомъ всякій ужъ увѣренъ.
Надменный графъ былъ такъ богатъ,
Извѣстенъ такъ его родъ славный,
Что въ цѣломъ Царствѣ Польскомъ врядъ
Ему нашелся-ли-бъ кто равный.
И блага такъ онъ обожалъ,
И въ дурь такую онъ внадалъ,
Своей любуясь родословной,
Что доблесть предковъ безусловно
Своею собственной считалъ.
Не то супругу занимало:
Она, годами тридцатью
Моложе мужа, проклинала
И власть его, и жизнь свою.
А послѣ тягостныхъ волненій,
Надеждъ, желаній, опасеній,
Прощальныхъ славъ доброй слезъ,
Одной иль двухъ нестройныхъ грезъ,
Романсовъ, вальсовъ, объясненій

Съ толпой поклонниковъ, — должно
Извѣстныхъ случаевъ ждать было.

VI.

«Мазепа сумрачный тогда
Красавцемъ слылъ; въ мои года
Ужъ мнѣ такъ выразиться можно.
На утрѣ жизни безтревожной,
Изъ юной знати той земли,
Взять верхъ немногіе могли
Въ дарахъ природы надо мною.
Я молодъ, веселъ, ловокъ былъ;
Мой лигъ тогда не походилъ
На нынѣ данный мнѣ судьбою.
Какъ смугль и грубъ теперь сталъ онъ—
Такъ нѣженъ, свѣжъ былъ той порою.
Войной, лѣтами удрученъ,
Я какъ-бы весь переродился,
Случись родныхъ мнѣ повстрѣчать —
Изъ нихъ никто-бъ теперь признать
Меня *своимъ* не согласился.
Но безобразіемъ морщинъ
За-долго страсти до сѣдинъ
Мое лицо такъ исказили;
Всѣ знаютъ—годы не убили
Ни силъ, ни бодрости моей,
А то про былъ минувшихъ дней,
Подъ этимъ дубомъ и средь этой
Холодной тьмы, теперь бесѣдой
Не занималь-бы васъ старикъ. —
Но слушайте-жь;—Терезы лигъ...
Она, мнѣ кажется, строптиво
Скользитъ предъ нами волъ — такъ живо
Воспоминаніе объ ней!—
Но нѣтъ, я не найду рѣчей,

Для описанья тѣни милой;
Тереза пламенемъ очей
На Азіятку походила;
Въ нихъ отразилась вся краса
Сосѣдокъ Польши сладострастныхъ:
Какъ у Турчанокъ, также ясны,
Черны, какъ эти небеса,
У дивной Польки были очи!—
И въ мглѣ ихъ лучъ сверкалъ живой,
Какъ будто мѣсяцъ молодой
Изъ-подъ покрова полуночи!
Большія, черныя, онѣ
Купались въ влагѣ сладострастной;
И, мнилось, сумракъ ихъ прекрасный,
Растаетъ въ собственномъ огнѣ;
И полу-живы, полу-томны,
Онѣ взирали, какъ горѣ,
Въ часъ смертной муки, на кострѣ,
Взираетъ праведникъ безмолвный.
Чело, какъ лоно лѣтнихъ водъ,
Когда ихъ гладъ при солнцѣ блещетъ,
Не рошцуть волны и трепещетъ
Въ ихъ синевѣ небесный сводъ.
Уста, ланиты—но напрасно
Распространяться такъ о ней.
Ее любилъ я; къ ней пылъ страстный
Горитъ досель въ груди моей.
А кто таковъ, какъ я,—не знаетъ
Границъ въ сей страсти, и пылаетъ
Душой средь благъ и въ бурѣ бѣдъ.—
Въ ожесточеньи самомъ даже
Мы вѣрны ей; идемъ подъ стражей
Любви до самыхъ позднихъ лѣтъ.
И вотъ примѣръ тому Мазепа,
Досель ей преданный такъ слѣпо.

VII.

«Намъ случай видѣться бывалъ;
Въ насъ встрѣча пламень раздувала;
Смотря ей въ очи — я вздыхалъ;
Она *безъ словъ* — но отвѣчала.
Примѣтъ и средствъ не перечестъ,
Въ которыхъ тайна для насъ есть
Другъ — друга молча понимать.
Но въ чемъ она — не рассказать...
Есть искры — мыслей отраженье —
И что не скрыто въ глубинѣ
Души — всему даютъ онѣ
Таинственное выраженье.
И огненная цѣпь изъ нихъ
Куется силой чудотворной,
И ей связуется невольно
Сердце взаимность молодыхъ. —
Съ Терезой встрѣтятся, я вздыхалъ,
Я плакать — но не забывать,
Какой рубежъ насъ раздѣляетъ.
И наконецъ къ ней обрѣтаетъ
Мазепа доступъ — и съ-тѣхъ-поръ,
Непстоцимый разговоръ
Нашъ съ ней свободно начинался.
О! сколько разъ я покушался
Открыться ей, — но робость, страхъ,
Мой замысль вѣчно разрушали...
Я говорить — и на устахъ
Монхъ, какъ прежде замирали,
Рождаясь, звуки... Но пора
Моя настала. Есть игра,
Пустая, вздорная; за нею
Проводятъ день; но не умѣю
Ее назвать. Не помню, разъ,
Какой свель случай вмѣстѣ насъ.
За той, мы кажется, сидѣли
Игрой. — Но думать объ игрѣ-ли
Я могъ? — Въ умѣ лишь было то,

Что я одинъ въ минуты эти
 Близъ той, которую ничто
 Не замѣнило мнѣ на свѣтѣ!
 И за Подличкой молодой
 Я наблюдаю, какъ часовой,
 Пусть въ эту темноту нашей стражей
 Преобладаетъ зоркость та-же.
 И было такъ... Вдругъ вижу я,
 Она задумываться стала;
 Развлечена, но замѣчала
 Своей игрою. Игра моя —
 И не груститъ; была за ней —
 Не веселится; и хоть явно
 Наперекоръ удача ей —
 Но длить забаву своею
 Не престаешь. — Ужь ей пора —
 И все ни съ мѣста! — та-жъ игра,
 Та-жъ развлеченная бесѣда! —
 И вдругъ, какъ молнія вонъ эта,
 Сверкнула мысль во мигъ. У ней
 Въ лицѣ такое что-то было,
 Въ чемъ все надеждой такъ свѣтило! —
 За мыслью хлынулъ токъ рѣчей!
 И хоть въ нихъ мало было склада,
 Но все-же выслушали насъ,
 А только этого и надо.
 Вняла-ли женщина намъ разъ —
 Въ другой — готова слушать вдвое.
 Въ ней сердце, вѣрь, не ледяное;
 Ея суровость — не отказъ. —

VIII.

«И я любилъ и былъ любимъ.
 Мнѣ говорятъ, вашъ духъ крушимъ,
 Монархъ, вѣкъ не былъ страстью нѣжной.
 А если такъ, то про мятежный
 И сладкій пылъ любви, разскажь

Я сокращу; не то для васъ
Онъ былъ-бы рѣчью сумазбродной..
Но духъ вашъ свѣту не законъ:
Не всякій въ мѣрѣ сотворенъ
Повелѣвать, какъ вы, свободно,
Страстями сердца и судьбой
Народовъ! Я былъ самъ главою,
Вожатымъ тысячъ! и за мной
На гибель первымъ текъ любой
Изъ нихъ,—но, сильный надъ толпою,
Не властенъ былъ я надъ самимъ
Собой.—Но рѣчь возобновимъ:
Я обожалъ и былъ любимъ.—
Любовь—плѣнь сладкій, правда, только
Онъ сопряженъ съ развязкой горькой.
Видались тайно мы; и часъ
Къ тому условный, каждый разъ
Былъ благъ небесныхъ ожиданьемъ!
Дни, ночи—были для меня
Ничто—вся жизнь ничто! Заря,
Закатъ мой—ясны воспоминаемъ
Часовъ свиданья лишъ.—Опять
Готовъ Украйну-бъ я предать,
Чтобъ возвратить ихъ сладость снова,
Преобразиться вновь въ того,
Кто былъ владыкой одного
Тогда сокровища такого;
Въ того счастливица молодого,
Кого мелѣяли въ тѣ дни
Дары природы лишъ одни—
Краса и юность золотая.
Видались тайно мы—(двойная
Услада сердцу, говорятъ,
Въ такомъ свиданьи) можетъ статься
Что-жъ до меня, то я признаться,
Всегда былъ бѣшенствомъ объять,
Что лишъ украдкою такую
Могли дѣлиться мы душею.

Я былъ-бы жизнь готовъ отдать,
 Чтобъ только вслухъ ее назвать
 Своей предъ небомъ и землею.

IX.

«Глазъ зоркихъ много за четой
 Влюбленною. Надзоръ такой
 Былъ и за нами.— Не похоже,
 Чтобъ тутъ замѣшанъ демонъ былъ,
 Скорѣй какой-нибудь святоша
 Въ сердитый часъ намъ яму рылъ.
 Но какъ-бы ни было—влюбленныхъ
 Слѣдилъ усердно чей-то глазъ:
 Въ одну изъ ночей вождельныхъ
 Подстерегли, схватили насъ.
 Явился мужъ.— Вулканомъ ярымъ
 Пылала злоба въ графѣ старомъ.
 Обезоруженный, съ толпой
 Я не отважился на бой;
 Мой подвигъ былъ-бы безуспѣшенъ,
 Да и тогда-бъ мнѣ не помогъ,
 Когда-бъ хоть съ темя и до ногъ,
 Я былъ оружіемъ обвѣшенъ.
 Къ тому-жъ толпой былъ схваченъ я
 Близъ замка графа; отъ жилья,
 Людей и помощи—далеко!
 Еще тогда сквозь мракъ глубокой
 Нигдѣ не брезжилась заря.
 Не ждалъ я, чтобъ сіянье дня
 Въ числѣ живыхъ меня застало.
 Казалось, смерть ужъ сосчитала
 Мои минуты; и въ тиши,
 Изливши исповѣдь души
 Предъ небесами, и смиренно,
 Молитвой съ гробомъ примиренный,
 Я предался моимъ врагамъ.
 Меня ватага къ воротамъ

Большаго замка проводила.
Не зналъ я, что съ Терезой было,
Какой надъ нею судъ свершенъ —
Судьба съ тѣхъ поръ насъ разлучила. —
Свирѣпый, грозный мужъ былъ онъ,
Надменный этотъ воевода.
Старикъ вину такого рода
Могъ и забвенью-бы предать;
Но къ мести звало опасенье,
Чтобы такое-жъ приключенье
Не повторилося опять
Въ его грядущемъ поколѣньѣ:
Да и фамильный гербъ его
Страдалъ не мало отъ того.
А воевода оскорбленный
Былъ солнце рода своего,
Всѣхъ выше смертныхъ во вселенной! —
Такимъ онъ самъ себя казалъ
Въ глазахъ вельможъ высокоумныхъ;
Меня-жъ, ничтожнаго, навѣрно
И человѣкомъ не считалъ.
Еще вмѣшайся въ это дѣло
Какой-нибудь блестящій родъ,
Тогда-бы, можетъ, оборотъ
Совсѣмъ другой оно имѣло,
Но пажъ ничтожный... фи!... языкъ
Не выскажетъ, какъ въ изступленьѣ
Карать собираясь преступленью,
Дрожалъ неистовый старикъ...

Х.

«Коня!.. и конь былъ подведенъ.
То правда — конь былъ бравый, статный,
Украиной вскормленъ благодатной!
Казалось, весь онъ превращень
Въ порывъ былъ мысли. Дикъ былъ онъ,
Какъ серна дикъ! не укрощень.

Бичемъ, ни шпорой не израненъ,
Лишь наканунѣ заарканенъ;
Свирѣпо-бѣшенъ, и съ грозой
Ногами роя прахъ земной,
Храпѣль, дрожалъ онъ,—дыбомъ грива!
Весъ въ пѣнѣ, въ страхѣ, предо мной
Стоялъ дикарь нетерпѣливый.
И вотъ рабовъ свирѣпыхъ рой,
Съ его хребтомъ меня ремнями
Перекрутилъ. Арканъ долой!
Внезпно бичъ гремитъ надъ нами...
Впередъ! впередъ!—И мы въ опоръ!
Быстрѣй, шумнѣй потоковъ горъ!

XI.

«Впередъ! впередъ! духъ замеръ мой!
Не взвидѣлъ я, куда со мной
Понесся конь; разсвѣтъ дневной
Еще чуть брезжился съ высотъ—
А мы стремглавъ, впередъ! впередъ!
И вмигъ толпѣ враговъ незримы!
Послѣднимъ звукомъ вслѣдъ коня
Былъ дикій хохотъ, доносимый
Отъ черни вѣтромъ до меня.
Взбѣшенъ насмѣшливой толпою,
Я вдругъ рванулся головою—
И вотъ какъ не было ремня,
Которымъ былъ притянуть я
За шею къ гривѣ лошадиной.
И приподнявшись въ половину,
Врагамъ проклятья посылаю;
Но грохотъ конскій не давалъ
Имъ доходить до нихъ, быть-можетъ,
И эта мысль меня тревожить,
Мнѣ-бъ не хотѣлось уступить,
Но зломъ за зло врагамъ отмстить!
Насъ время послѣ поквитало:

Тамъ замка гордаго не стало.
Его тяжелыя врата,
Пруды, окопы, рвы, ограды—
Все въ прахъ и пламень безъ пощады!
Окрестъ ни травки, ни куста!
Кой-гдѣ лишь плющъ осиротѣлый
По сводамъ вьется обгорѣлымъ.
Лежитъ-ли путнику тамъ слѣдъ,
Идетъ—и признака вокругъ нѣтъ,
Что замокъ тутъ стоялъ когда-то.
Я зрѣлъ, какъ пламенемъ объятый,
Съ высотъ, тамъ башенъ рухнулъ рядъ.
Какъ лава съ рдѣющихъ палатъ,
Шумя, металлъ лился кипучій;
Ничто всѣ скрѣпы противъ тѣчи
Свирѣпыхъ мстителей враговъ!
Ватага буйная рабовъ
Въ то время, вѣрно, не мечтала,
Когда, какъ молнія, помчало
Отъ нихъ чудовище меня,
Что часъ настанетъ мой, и я,
Должникъ признательный, къ ихъ папу,
На тучахъ конницы нагряну,
За шутку шуткой отплатить!
Пора на все дать намъ случай.
Лишь только часъ-бы улучшить.—
Кто-бъ ни былъ онъ, злодѣй могучій,
Земная власть не охранить
Его отъ бдительнаго ока
Того, кто въ памяти глубоко
Обиду недруга таить.

ХII.

«Впередъ! впередъ! мой конь, и я,
На крыльяхъ вѣтра, миновали
Въ пути всѣ признаки жилья!
Мы лѣтомъ воздухъ разсѣкали,

Какъ метеоръ, когда за нимъ,
Потухшимъ съ трескомъ громовымъ,
Огни зарницъ браздятъ мракъ ночи.
Стремлю окрестъ я робко очи—
Въ виду ни города, ни селъ!
Но разстилался дикій долъ,
Дремучимъ боромъ обруженный;
Да лишъ, чернѣя въ сторонѣ,
Громады башенъ зрѣлись мнѣ
На высотахъ сооруженныхъ
Встарь отъ грозы татарскихъ ордъ.
Повсюду глушь. Предъ тѣмъ за годъ
Тутъ войско Турокъ проходило:
Гдѣ кони спаговъ протевли,
Окровавленной той земли
Ужъ мурава не зеленила.
Взглянулъ я въ высь—и надо мной,
Какой-то тяжкой, сизой мглой
Омрачено все небо было:
А по землѣ стоналъ уныло
Передразсвѣтнѣй вѣтерокъ.
Хотѣлъ-бы съ нимъ я вздохомъ слиться—
Но быстръ впередъ, впередъ нашъ скокъ!—
И напрягая грудь, не могъ
Я ни вздохнуть, ни помолиться.
Холодный потъ, какъ градъ, съ меня
Струясь, на гриву лилъ коня;
Отъ страха, гнѣва, онъ храпѣлъ.
И бурно вдаль, все вдаль летѣлъ.
Порой надежду я тайлъ.
Что конь мой выбьется изъ силъ.
Но нѣтъ! для бури столь могучей
Ничтоженъ былъ мой станъ летучій,
И только шпоры замѣнялъ!
Освободить-ли я искалъ
Отъ узъ распухнувшіе члены, —
Въ конѣ усиьемъ напряженнымъ
Лишь пуще гнѣвъ я раздражалъ.

Порой вскричать я покушался —
Крикъ замиралъ, едва звуча,
Но дикій звѣрь, какъ отъ бича,
При каждомъ звукѣ содрогался,
Какъ-бы трубы внезапный громъ
Онъ слышалъ въ голосѣ глухомъ!
Межъ тѣмъ, изъ ранъ всѣхъ выступаая,
Недвижно, крѣпко кровь густая
Ремни на членахъ запекла. —
И страшно жажда неземная
Палить гортань мнѣ начала.

XIII.

«Предъ нами лѣсъ. Смотрю кругомъ —
Предѣловъ нѣтъ ему... Мѣстами
Деревья хмурились въ немъ,
Произращенные вѣками;
И устилая слѣдъ бѣдами.
Несясь изъ нѣдръ Сибирскихъ странъ,
Ихъ не колеблетъ ураганъ
Своею силою могучей!..
А вдаль, подъ еѣнью ихъ дремучей,
Вилась цѣпь зелени густой,
Такъ нѣжно-юной, я порой
Не пораженной еще той,
Когда хладъ осени суровой
Мертвя дубравы, листья ихъ
Пятнаетъ краскою багровой;
И рдѣетъ этотъ знакъ на нихъ,
Какъ кровь на трупахъ незарытыхъ
Въ сраженьи ратниковъ побитыхъ,
У коихъ воронъ не пронзить
Морозомъ стяннутыхъ ланить;
То, зеленѣя, разстился
Кустарникъ дикой. — Здѣсь и тамъ
Каштаны высились; очамъ
То дубъ могучій попадался,

То сосны мрачны кой-гдѣ,
Но порознь всѣ — или-бѣ бѣдѣ
Не миновать. Намъ уступали
Деревья путь; и не терзали
Сучки мнѣ ребръ; упасть съ коня —
Напрасный страхъ; не одолѣли
И язвы лютыя меня....

Какъ вихрь мы листьями шумѣли!

И вотъ въ мгновенье облетѣли
Ряды деревьевъ, цѣпь кустовъ,
И вслѣдъ намъ гнавшихся волковъ!

Безъ страха, устали не зная,

• Какъ ураганъ неслась ихъ стая

За нами въ сумракѣ ночномъ.

Куда-бѣ мы бѣгъ не устремили —

Повсюду волки за конемъ!

До восхода солнца насъ слѣдили!

Ихъ на разсвѣтѣ видѣлъ я!

Они на шагъ лишь отъ коня

Метались по лѣсу густому!

А въ ночь по топоту глухому

Я слышалъ бѣгъ ихъ за собой.

О! чтобъ кинжалу быть со мной!

Я вторгся-бѣ въ ихъ среду съ отрадой!

И еслибъ гибель обрѣсти

Должно — я палъ-бы, но среди

Окрававленнаго мной стада.

Какъ конь сперва понесъ меня —

Желалъ предѣла бѣгу я —

Теперь боязнь меня томила,

Чтобъ не утратилась въ немъ сила.

Напрасно! дикій сынъ стеней

Стремился серной быстроногой.

Играетъ выюга не быстрѣй

Зимой вдругъ хижины убогой,

Какъ онъ летѣлъ путемъ глухимъ!

Суровъ, свирѣпъ, неутомимъ,

Весь буря, пламень, образъ ада,

Какъ избалованное чадо,
Какъ своеправная жена.
Обидой злой уязвлена! —

XIV.

«Лѣсъ мимо. День ужь вечерѣль.
Но воздухъ, чувствую, свѣжѣль.
Хоть былъ июнь тогда. Иль въ жилахъ
Моихъ ужь кровь, быть можетъ, стыла.
Подъ пыткой медленной падеть
И духъ могучій. Я не тотъ
Въ ту пору былъ. Нетерпѣливый,
Стремительный, какъ бурный токъ,
Чувствъ необузданныхъ порывы
Я прежде изъявлялъ, чѣмъ могъ
Постичь причину ихъ стремленья.
И мудрено-ль, что изнемогъ
Я на минуту отъ мученья.
Страхъ, мука, бѣшенство и стыдъ,
Быть такъ свирѣпо осужденнымъ —
Всѣхъ этихъ золь сосудъ неспить
Вполнѣ былъ тѣмъ, кому врожденнымъ
Въ крови остался свойствомъ пылъ,
Который въ злобѣ походилъ
На смертью дышащее жало.
Земля, казалось мнѣ, бѣжала;
Небесный сводъ ходилъ кругомъ;
Съ коня ваюсь — но нѣтъ, на немъ
Сбрученный, крѣпко я держался;
Мой мозгъ горѣлъ, духъ занимался;
То въ сердцѣ тренеть пробуждался,
То обмиралъ я — небеса,
Какъ-бы громада колеса
Неизмѣримаго катились;
Деревья падали, кружились...
Вдругъ яркій лучъ разить глаза —
И тьма настала... Нѣтъ, на свѣтѣ,

Никто ужасно такъ, какъ въ эти
Минуты я, не умиралъ.
Мракъ наступалъ и исчезалъ.
Хочу опомниться — напрасно!
Страданье волѣ неподвластно!
Такъ на обломкѣ корабля
По безднѣ носится несчастный,
Когда валы, всхолмясь, тебя
Въ морскую пропасть погружаютъ;
И въ то-жъ мгновенье, изъ себя
Въ мѣръ дикихъ дебрей извергаютъ!
Волненьемъ жизни походилъ
Я на мельканье тѣхъ свѣтилъ,
Которыхъ блескъ намъ зримъ бывасть
Въ полночной мглѣ — когда палить
Нашъ мозгъ горячка начинаетъ. —
Волненій этихъ скоро нить
Перервалась. Но не забыть
Слѣдовъ ихъ. Страшно, если то-же
Мнѣ предстоитъ на смертномъ ложѣ!
А только думаю, что насъ
Гораздо ждутъ въ предсмертный часъ
Невыносимѣе страданья. —
Но не о томъ! Что за бѣда!
Суровой смерти я всегда
Смотрѣлъ въ лицо безъ содроганья. —

XV.

«Очнулся... Гдѣ-жъ былъ я? какъ ледь.
Весь хладенъ; члены въ онѣменьѣ;
И мракъ и головокруженье
Туманятъ разумъ мой. Но вотъ
Сталъ биться пульсъ... я ощущаю,
Что согрѣваюсь, оживаю...
Какъ вдругъ опять меня всего
Проникъ морозъ; и устремилась
Вся къ сердцу кровь, а до того

Она такъ медленно струилась!..
И дивный гулъ въ ушахъ моихъ!..
И сердце вновь затрепетало...
Глаза прозрѣли вдругъ; но ихъ
Какъ будто влагой заливало;
Какъ гдѣ-то слышу я шумъ волнъ...
И вижу звѣздами сверкаетъ
Небесный сводъ; то былъ не сонъ —
Мой конь рѣку переплываетъ! —
И широко, окрестъ себя,
За зыбью, съ шумомъ, зыбѣ клубя,
Дикарь лучину раздвигаетъ!
Борясь съ хаосомъ волнъ и тьмы,
На серединѣ вотъ ужъ мы!
Вода боль ранъ моихъ смягчила;
И истомленнымъ членамъ сила
На время новая дана.
Широкой грудью, конь отважно,
Дробитъ валы стихій влажной,
И воетъ вслѣдъ насъ глубина!
Но вотъ и берегъ сномя объятый...
И мнѣ нисколько въ томъ отрады!
За мною смерть и тьма была!
Напротивъ глушь и ночи мгла!
Какъ долго съ ужасомъ сражался,
Я въ забыты недужномъ спать.
Не помню; чуть лишь понималъ,
Въ какомъ я мирѣ обрѣтался.

XVI.

«И съ влажной шерстью, мокрой гривой,
Клубами пара заваленъ,
Мой конь бросается изъ волиъ
На скользкій берегъ горделиво.
Вскочилъ. И залитое мглой
Безбрежье степи предо мной!
И вотъ, теряясь въ зѣнрѣ.

Растеть все шире, шире, шире!
Какъ зримымъ пропастямъ во снѣ —
Нигдѣ конца! На вышинѣ
Вдругъ выплылъ мѣсяцъ изъ тумановъ,
И полнымъ свѣтомъ озарилъ
Ряды разсѣянныхъ кургановъ.
Какъ море зыблясь, серебрилъ
Всю степь ковыль сѣдой! Напрасно
Раздолье взоромъ мѣрилъ я —
Нигдѣ и признака жилья
Не озарялъ вокругъ мѣсяцъ ясный!
Хоть-бы гдѣ свѣточъ одинокой
Сверкнулъ привѣтомъ издалека!
Или блудящій огонекъ
По степи сумрачной пробѣгъ
И тотъ мнѣ былъ-бы въ утѣшенье!
Завидя свѣтъ вдали пустой,
Я обманулся-бъ хоть мечтой,
Что недалеко до селенья.

XVII.

«Впередъ мой конь! но ужъ изъ силъ
Онъ выбился; смирилась буря;
Весь въ мыль, голову понура,
Едва онъ ноги волочилъ.—
Сталь кротокъ, тихъ; ребенокъ слабый
Могъ съ нимъ управиться тогда-бы,
Но что-же въ этомъ было мнѣ?
Лежалъ скрученъ я на конѣ.
Но будь и воленъ, можетъ сила
Мнѣ и тогда-бы измѣнила;
Повременамъ я начиналъ
Рвать узы, злобой обаянный —
Все тщетно,—пуще только—раны
Я, порываясь, растравлялъ;
Измученъ пыткой свирѣпой,
Я бросилъ замыселъ нелѣпый,

И ждатель, что будетъ, сталъ. Кой-гдѣ,
Мерцанье свѣта въ высотѣ,
Восходъ мнѣ солнца возвѣстало;
Какъ медленно оно всходило!
Казалось, вѣкъ съ стени глухой
Не снимется туманъ сѣдой!
Какъ онъ лѣниво распадался!..
На горизонтѣ показался
Сначала пурпуръ; средь небесъ
Хоръ отсверкавшихъ звѣздъ исчезъ;
И вотъ, пылая надъ востокомъ,
Заря въ величьи одинокомъ,
Пожаромъ по небу пошла,
И орошенное туманомъ,
Окрестъ раздолье все румянымъ,
Потокомъ свѣта облила!

ХVIII.

«Вскатилось солнце! расклубился
Туманъ послѣдній надъ страной,
Повсюду мертвой тишиной
Объятою. Куда-жъ конь мой
Такъ необузданно стремился
Черезъ глушь лѣсовъ, черезъ волны рѣкъ?
Ни дикой звѣрь, ни человѣкъ,
Не промелькнуть въ краю забытомъ!
Нигдѣ стопой, нигдѣ копытомъ
Напечатлѣннаго слѣда,
Ни знака жизни, ни труда!
И самый воздухъ былъ молчанье:
Ни насѣкомаго жужжанье,
Ни птички утренней напѣвъ,
Ни изъ подъ травки, ни съ деревъ,
Тамъ по зарѣ не раздавался.
Давно чуть движась, подо мной
Изнеможенный конь шатался;
Давно духъ бурный занимался

Ужь въ немъ предсмертной хрипотою,
И тихо все вокругъ насъ было...
Но наконецъ изъ-за вѣтвей.
Какъ будто ржанье лошадей,
Я слышу, воздухъ огласило...
Не вѣтеръ-ли въ бору реветъ?
Нѣтъ! нѣтъ! то изъ-за лѣсу мчится
Табунъ, гудя! онъ близокъ. вотъ!
Громовой тучею стремится!
Я вскрикнуть—силъ не достаетъ.
Летъ коней прахъ столбомъ вздымаетъ!
Но гдѣ-жъ они? Кто управляетъ
Неукротимымъ табуномъ?
Тьма коней! и не на одномъ
Вожатаго!—Хвосты ихъ, гривы,
Клубятся по вѣтру игриво;
Раздуты ноздри; мундштукомъ
У нихъ въ кровь морды не размыты;
Гвоздями не пробиты копыты.
Крутя бедра не изрыты
Ни острой шишкой. ни бичемъ, —
Тьма коней! бурныхъ, дикихъ, вольныхъ,
Какъ въ морѣ рыщущіе волны,
Неслось на встрѣчу намъ! Табунъ
Завидя, ожилъ мой скакунъ...
Съ минуту онъ перемогался,
Съ минуту онъ имъ откланялся
Охриплымъ ржаніемъ... и палъ.
Конецъ! онъ путь свой пробѣжалъ!
Потухъ въ могучемъ пламени гордый!
Клубами паръ съ боковъ валить!
Волною пѣна хлещетъ съ морды!
Притекъ табунъ... и вотъ глядитъ...
И конямъ дивно—кони въ страхѣ.
Узря поверженныхъ на прахѣ...
Они стоятъ, они дрожатъ...
На вѣтеръ морды... пѣной прыщутъ...
И вотъ шарахнулись... и рыщутъ.

Кружать по стени и назадъ,
Грохоча, дружнымъ мчатся скокомъ,
Водимы воронимъ конемъ,
Главой табуна и ни клока.
Ни струйки бѣлизны на немъ!
Вновь ржать, храпать... на стражѣ ухо!
И вдругъ всѣ врознь... и вотъ ввелись...
И снова къ лѣсу понеслись
Отъ человѣческаго духа!
Они покинули меня!
Къ хребту издохшаго боня
Привязанный остался я!
И ни его, и ни себя,
Не находилъ я ни умѣнья,
Ни силъ, избавить отъ мученья.
— На жизнь надежды никакой!
И вотъ лежимъ! На охладѣломъ
Охладѣвающимъ! Не смѣла
Дружиться мысль уже со мной,
Что солнце встрѣчу я живой
Завтра въ краѣ опустѣломъ.

XIX.

«Проходитъ утро, день, но путы,
Съ меня не пали; и минуты
Судьбы ужасной, роковой.
Ужъ тяготѣли надо мной.
И чуть могли мои веницы
Взирать на рдѣющій закатъ
Послѣдней для меня денницы.
Ужъ я былъ мракомъ тѣмъ объять,
Когда разсудокъ заставляеть
Насъ слѣпо вѣрится тому,
Что вѣщій голосъ лѣтъ, уму
Послѣднимъ страхомъ предре часть;
Чего никто не избѣжитъ;
Въ чемъ даже милость смертный зреть

Порой; но отъ *чего*, однако,
 Какъ отъ противной гидры, всякой
 Готовъ-бы опрометью прочь!
 Безъ силъ гнеть жизни превозмочь,
Чего такъ сами мы желали,
 Порой неистово искали
 Съ мечомъ въ рукахъ—и все напрасно!
 Смерть людямъ вѣчный врагъ. Какой
 Не придавай ей видъ умъ твой, —
 Во всякомъ, грозная, ужасна!
 И странно! счастья сыны,
 Въ удѣлъ которымъ суждены
 Всѣ наслажденья жизни дольной, —
 Они встрѣчаютъ смерть спокойно;
 Спокойнѣй, можетъ быть, чѣмъ тотъ,
 Кого въ загробный край ведетъ
 Дорога бѣдности суровой.
 Тотъ, кто извѣдалъ въ жизни сей,
 Все, что ни мило въ ней, ни ново, —
 Онъ ничего не ждетъ ужъ въ ней;
 Здѣсь ничего не покидаетъ:
 И кромѣ помысла въ тиши,
 О темной вѣчности, души
 Его ничто не возмущаетъ...
 Бѣднякъ-же вѣрой полнъ... все ждетъ,
 Что горе кончится... но вотъ
 Туманъ его объемлетъ вѣжды,
 Приходитъ смерть, и дерзко жнетъ
 Имъ насаженный садъ надежды.—
 За утро-бъ, можетъ, онъ донесъ
 Свой тяжкій крестъ; вознаградились
 Его утраты; прекратились
 Недуги сердца, токи слезъ;
 За-утро-бъ, можетъ, онъ впервые
 Творца за жизнь благословилъ,
 И пролилъ слезы-бы святыя,
 И годы бѣдствій роковые
 Въ избыткѣ благъ онъ позабылъ;

За-утро-бъ онъ былъ грозенъ силой,
Имѣлъ и власть, и блескъ царя —
И утра этого заря
Должна-ль рдѣть надъ его могилой?

XX.

«Садилось солнце; все скрученъ
Лежу на трупѣ я. И съ страхомъ
Сталъ помышлять, что съ конскимъ прахомъ
И мой смѣшаться обреченъ.
И смерти требовали вѣжды.
Мой часъ ударилъ, нѣтъ надежды!
Я бросилъ взглядъ послѣдній свой
На небеса—и тамъ въ туманѣ
Ужь вился воронъ надо мной.
Онъ насъ терзать алкалъ заранѣ
Чѣмъ возродится голодъ въ немъ;
Остынемъ оба мы съ конемъ...
То отлетитъ, то къ намъ онъ снова...
И къ трупу онъ, что поворотъ,
То ниже, ниже все... и вотъ
Съ широкихъ крылъ его гробовой
Ужь вѣялъ холодъ мнѣ на лгкь,
Но мой глухой, могильный вскрикъ,
Руки усильное движенъе
Остановили нападенъе...
И воронъ скрылся отъ очей...
Не помню болѣе. Моей
Мечтой послѣдней *что-то* было
О звѣздочкѣ... Въ пустынной тьмѣ
Она то гасла... то свѣтила,
И издалега подходила,
Сверкая, ближе все ко мнѣ.
Я, мнилось, въ волны погружался;
Вдругъ цѣпенѣлъ и возвращался
Вновь къ ощущенью бытія.
Потомъ опять, какъ мертвый я,
И вновь перевожу дыханъе..

И вотъ на мигъ, то замиранье,
То трепеть сердца, дрожь его;
Въ глазахъ неясное сверканье
Какихъ-то искръ; вотъ содраганье,
Тамъ вздохъ, и болѣ ничего.

XXI.

«Очнулся... гдѣ я?.. что со мною?
Кто это смотритъ на меня?
Лежу на ложѣ-ль?.. надъ главою
Моею кровля-ль? точно-ль я
Въ пріютѣ мирномъ состраданья?
И очи смертнаго-ль созданья
Такъ на меня устремлены?
Сочтя, что это еще сны
Недуга, вновь закрылъ глаза я. —
Коса по плечамъ... молодая,
Стройна, какъ тополь, у стѣны
Сидѣла дѣва. Быстро томный,
Такъ полный дикаго огня,
Казачка взоръ свой на меня
Бросала въ горести безмолвной.
Сверкавшій пламень глазъ ея
Чуть только ожилъ, встрѣтилъ я.
До той поры былъ къ ней прикованъ
Пока увѣрился, что нѣтъ.
Я не мечтою очарованъ,
Но что я живъ, гляжу на свѣтъ.
И подъ степными небесами,
Я не растерзанъ ястребами.
Открылъ глаза—и на лицѣ
Казачки радость заиграла;
Я говорить хотѣлъ, но мнѣ
Примѣтно сила измѣняла;
И дѣва къ ложу подошла;
И персть къ устамъ прижавъ, дала
Понять, чтобъ до возврата силъ
Я погодилъ, не говорить;

И тихо за руку въ безмолвьѣ
Меня беретъ; и изголовье
Мое, склонясь, приподняла;
Потомъ неслышимо пошла
Отъ ложа прочь; и отворила
Легонько дверь; проговорила
Тамъ что-то шопотомъ; я мнилъ,
Что слышу райскіе напѣвы!
И самый шумъ походки дѣвы
Въ себѣ ту-жъ музыку таилъ!
Но тѣ, къ кому тотъ шопотъ былъ
Не пробуждались. И порхаетъ
Казачка вонъ; но нанередъ
Она свой взоръ въ меня вперяетъ;
Еще разъ знакъ мнѣ подаетъ.
Что скоро вновь она придетъ.
И что мнѣ нечего страшиться;
Что не замедлитъ все явиться
На зовъ мой.—И что вынесъ я,
Какъ скрылась дѣва отъ меня!

XXII.

«Казачка вновь вошла съ-отцомъ
И матерью.—Но что-жъ потомъ?...
Я о своей превратной долѣ,
Съ тѣхъ поръ, какъ принять былъ подъ кровъ
Гостепріимныхъ казаковъ,
Не продолжу разсказа болѣ.—
Они въ степи меня нашли;
Они какъ трупъ перенесли
Меня подъ кровлю хаты ближней;
Меня призвали снова къ жизни...
Меня—чтобъ властвовать потомъ
Надъ краемъ ихъ!—и такъ глумцомъ
Бѣднякъ на гибель обреченный.
Въ расчетъ злобу обманулъ.
И черезъ путь огровавленный

На царство гетмана шагнулъ! —
Кто предузнать свой жребій можетъ?...
Пусть малодушье не тревожитъ
Ни чьихъ надеждъ, ни чьихъ сердець!
Затихнетъ скоро гуль погонн;
За-утра будутъ наши кони
Пастись свободно наконецъ
На мирной грани Борисфена;
Съ какимъ привѣтомъ я колѣна
Передъ Днѣпромъ склоню, когда
Богъ дастъ, минуетъ насъ бѣда
И берегъ дружній наши очи
Увидятъ... Братья! доброй ночи!..»
И вотъ раскинулся старикъ
На листьяхъ, настланныхъ подъ дубомъ;
Одрѣ не новомъ и не грубомъ
Тому, кто въ жизнь свою привыкъ
Вездѣ покоиться, гдѣ-бъ только
Не довелось ему, нисколько
Не мысля, гдѣ, на чемъ. Какъ разъ
Мазепа крѣпкимъ сномъ забылся. —
И странно-ль вамъ, что за рассказъ
Спасибомъ Карлъ не заплатился?
Мазепа вовсе не дивился;
Карлъ спалъ назадъ тому ужъ съ часъ.

съ Англійскаго.

И. Гогіевъ.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ.

1860.

КНИЖКА IV.

СОДЕРЖАНІЕ:

Сонъ въ лѣтнюю ночь, Фантастическая ком. Шекспира, перев. Ап. Григорьева
(съ предисловіемъ и примѣчаніями.)

Матеріалы для біографіи Мочалова.

Мазена. Поэма Байрона, переводъ И. Г.

Гаазе въ роли Гамлета, статья Ап. Григорьева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.